

Борис Покровский:

Московская правда, - 1997, - 28 июня
- с. 12

Почивать на лаврах ужасно неудобно

РЯДОМ С ВАМИ

Татьяна СЕРГЕЕВА

Когда шло к шестидесяти - надвигался «возраст свободы», то есть пенсионерской жизни, - он посчитал, что настала самая пора пуститься в новое предприятие. Творческое, конечно. Хотя, казалось, чего не хватало главному в те поры режиссеру Большого театра, получившему массу престижных премий, званий, регалий, профессору института театрального искусства, автору множества статей и книг? Работал бы себе на прославленной сцене страны да работал, а он, надо же, спустился с молодыми талантами в подвальное помещение на Соколе, там раньше был одноименный кинотеатр, и начал экспериментировать, фантазировать, искать каких-то уж совершенно новых форм...

Тут, наверное, дело в характере, поисковом по сути, в неумении почивать на лаврах - неудобно, колет, чрезмерный аромат. Словом, в чем-то неопределимом строгими понятиями. Но это что-то заставляет и сегодня 85-летнего Бориса Александровича Покровского спешить, опираясь на крепкую палку, в Малый, когда там дают премьеру спектакля с музыкой нашего гениального современника Георгия Свиридова, записываясь для телевизионного выступления, коль выпадает нечаянная ныне возможность высказаться о деле, которому он рыцарски служит всю жизнь. Полагаю, что немало беспокойства причиняет этот посетитель, входя в чиновничьи кабинеты, поскольку Камерный музыкальный театр под руководством Покровского - а коллектив знают во всем мире - увы, в силу разных обстоятельств не имеет в столице помещения, которое заслуживает.

Но, как бы там ни было, сегодня хочется сказать, что Борис Александрович намного моложе иных молодых летам. Прежде всего он человек крамольный, то есть восстающий на всяческую окостенелость, застывший академизм, затвер-

девшие мнения, театральную рутину и прочая, прочая. Слово «крамола» не напрасно у меня тут выскочило, оно из «Слова о полку Игореве». Когда Покровский поставил в Большом «Князя Игоря», естественно, как всегда, на новый лад, мы с Натальей Александровной Балашовой, оперой специально не занимающиеся, рискнули - нас спровоцировал режиссер - выступить с позиции неприятия концепции спектакля. Хотелось спорить. Потому что не музыкальный пустячок для услаждения элитарной публики создавал режиссер, а вещь в традициях русской сцены, языком музыки повествующую о судьбе человеческой как о судьбе народной и об истории этого народа. Кстати, в камерном жанре из изящной, казалось бы, безделушки режиссер умеет извлекать немало смыслов, может быть, не столь фундаментальных, как из грандиозных шедевров, но тем не менее находящихся в согласии с высокими гуманными и эстетическими чувствами.

С Покровским было трудно работать певцам, большим мастерам, но раз и навсегда выработавшим стиль и манеру. В любой работе режиссера, непрерывно разворачивающейся и как кинематографическое действо, помимо всего прочего, от актера-певца требовались органика голосоведения, органика поведения, органика чувствования. А также предельная легкость и игра игры. Есть дивные слова из детского мультфильма, там кузнец учит бабочек танцевать, приговаривая: «Вы растворяетесь, таете, таете, только все время при этом считаете: раз-два-три, раз-два-три!» К такому вот результату в идеале приходят артисты Камерного музыкального театра в лучшие минуты сценического творчества: растворяются в образе, одновременно блестяще справляясь со всеми сложностями партии.

Перечислять, что поставил Борис Покровский, бесполезно. Надо поискать, что не ставил. И если кто-то до знакомства с его театром на Соколе

думал, что опера - это нечто далекое от жизни, непонятное, а значит, и ненужное, то после встречи он наверняка переменит свои убеждения. Ведь опера на самом-то деле - один из самых живых, демократических, общедоступных жанров искусства. Вот только времена нынешние не самые благоприятные для художества. Но ведь воплотится же когда-нибудь прописная истина, что без искусства, без хлеба духовного, нельзя прожить, как и без хлеба насущного.

Мне это было доказано как дважды два на спектакле Б.Бриттена «Давайте создадим оперу», что шел у Покровского. Тогда весь зал разделили на четыре группы, приставив к каждой четверти своего хормейстера: одни ухали совой, другие пенькали зябликом, третьи и четвертые тоже изображали какие-то голоса ночного леса, сквозь который пробирался маленький герой оперы. Да-да, публика, большинство которой составляли взрослые и солидные люди, номерками от гардероба отбивала на ручке кресла требуемый ритм - ну, и трудная, доложу, была задача. А все-таки, молодцы зрители, справились, показав, что не вовсе безнадежные музыкальные тупицы собрались в театральном зальчике.

Скажете: чудит старик! Чуть-чуть подправляю для точности: чудодействует и чудотворствует...

